

писных рассказов: они тоже, в летописи Киевской, в композиционном отношении целиком подчинены погодной канве. Всякий рассказ, введенный в повествование не в свой год, всегда, как правило, оговаривается; летописец остро ощущал каждое нарушение, даже малейшее, погодного порядка и нарушение это всегда отмечал: „Мы же на преднее возвратимся“ или „Мы же на подлежащее возвратимся“ (стр. 218, 364, 472).

Строго следуя погодному принципу изложения, летописец не раз, когда того требовало время, даже прерывал изложение, чтобы затем опять к нему вернуться. Типичный пример — рассказ под 1149 г. о союзе Святослава Ольговича с Юрием Долгоруким, перебитый „вставкой“: „Гюрги же пришед ста у Ярышева; и ту к нему приеха Святослав Ольговичь на Спасов день, и ту Святослав позва и к собе на обед, и ту обедавше разъехашася. Въутри же день в неделю рано, въсходящю сонцю, родися у Святослава Ольговича дчи, нарекоша в крещение имя ей Марья. Рече же Ольговичь Святослав к Гюргеви: «Брате! То нам ворог всим Изяслав, брата нашего убил». В ть день поиде Гюрги наперед с вое своими, Святослав же поиде по нем. .“ (стр. 263—264). Даже если будет доказано, что здесь перед нами действительно вставка, внесенная в текст рукою другого автора или редактора, факт тем не менее остается фактом: в дошедшем до нас тексте рассказ перебит и перебит в самом центре изложения.

Как и погодные записи, рассказы в летописи Киевской вводятся в повествование той же традиционной формулой: „В лето 66. “. Так же, как и погодные записи, в пределах данного года отделяются один от другого формулами: „Того же лета“, „В се же лето“, „В том же лете“, „В то же время“ и т. п.

Последовательность изложения — один из наиболее характерных признаков летописного рассказа; здесь, в рассказе, она уже становится предметом забот летописца; нарушение последовательности изложения уже начинает ощущаться как известный недостаток. Показательна в этой связи судьба формулы: „Мы же на преднее возвратимся“ („Мы же на подлежащее возвратимся“). Обычно ею оговаривается, как было указано, рассказ, введенный не в свое время. Но в тексте Киевской летописи встречается она и в иной функции: оговариваться ею начинает даже рассказ, нарушающий только последовательность изложения. Так, например, рассказ под 1161 г. о дивном знамении „в луне“ введен в свое время, но читается в составе другого рассказа — о бегстве из Киева Ростислава Мстиславича и о въезде в Киев Изяслава Давидовича; возобновляя прерванный рассказ о Ростиславе и Изяславе, летописец счел, однако, необходимым, вопреки обычаю, оговориться: „Мы же на подлежащее възвратимся“ (стр. 353—354; ср. стр. 369, 374, 390, 468).

Но и этот признак летописного рассказа — в какой-то мере хорошо знаком погодной записи. В составе Киевской летописи встречаются записи, где относительная последовательность изложения уже налицо, а именно там, где все они объединяются единством „героя“ или изла-